

Глава 7

В саду поместья Шэнь росли два столетних дерева золотистого османтуса. Их густые кроны отбрасывали тень на светлый балкон, и, хотя осень ещё не вступила в свои права, в воздухе уже разливался тонкий, чарующий аромат. Ле Тянь, прислонившись к прохладной кирпичной стене, с тоской посмотрел вниз. В саду прибавилось охранников.

«Шэнь Лисин теперь держит меня за комнатную собачонку»

Он сокрушённо вздохнул в глубине души.

Система была с ним полностью согласна. Когда она только «заполучила» Ле Тяня, тот уже купался в лучах любви как обожаемый господин Шэнь, а младший дядя казался идеальным, во всём потакающим родственником. До этого момента Система полагала, что жалобы подопечного на маниакальную тягу Лисина к контролю — не более чем наглая клевета.

Она и подумать не могла, что в устах такого прохиндея, как Ле Тянь, порой может звучать истина.

Шэнь Лисин действительно оказался беспощадным человеком.

С того дня, как юноша вернулся домой, за ним установили негласный надзор. В поместье за каждым его шагом следили, а любая попытка выйти в город требовала личного разрешения. В девяти случаях из десяти управляющий давал суровый отказ, а в десятый — сам глава семьи обрубал все планы на корню.

— Молодой господин, господин Шэнь звонит, — подбежала к нему горничная.

«Твою ж... Опять проверка связи»

Спустившись вниз, Ле Тянь взял трубку и, подавив раздражение, пропел своим самым сладким голосом: — Младший дядя...

— Хм, — отозвался Лисин. Его бархатный голос в трубке казался ещё более низким. — Как ты себя чувствуешь сегодня?

— Всё хорошо, ничего не болит, — послушно отчеканил юноша.

Собеседник удовлетворённо хмыкнул: — Вот и славно.

— Младший дядя, — осторожно начал Ле Тянь, прощупывая почву, — я бы хотел ненадолго

отлучиться.

— Зачем это? — тон Лисина мгновенно заледенел.

Юноша набрался смелости и, запинаясь, пробормотал: — Я... я уже несколько дней не видел Мяо-мяо...

На другом конце провода повисла тяжёлая тишина. Ле Тянь сжимал трубку, не дождавшись ответа — слышно было лишь ровное, пугающе спокойное дыхание мужчины.

Юноша занервничал: — Млад...

— Нет, — коротко отрезал Шэнь Лисин и с сухим щелчком повесил трубку.

Ле Тянь застыл с аппаратом в руках. На его лице отразилась вселенская скорбь. Если ему запрещают видеться даже с главной героиней, как он, чёрт возьми, должен выполнять задание?

[Позвони ей и пригласи в поместье]

«Если она сможет переступить порог этого дома, я назову тебя мамой»

[...]

Система не испытывала ни малейшего желания становиться слонихой.

[Подожди немного, — попыталась она его утешить. — Шэнь Лисин со временем остынет и выпустит тебя]

Однако вместо долгожданного помилования вечером Ле Тяня ждал ледяной приказ: — Помолвка отменяется.

Эти слова прозвучали для него как гром среди ясного неба. Юноша стоял в кабинете, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Его рука судорожно вцепилась в спинку стула, чтобы не упасть. — Почему? — едва слышно пролепетал он, не поднимая глаз.

Дядя не стал отвечать прямо. Он задал встречный вопрос: — Ты всё ещё хочешь оставаться молодым господином семьи Шэнь?

«Разумеется!» — мысленно проорал Ле Тянь, но вслух не произнёс ни слова, лишь ещё ниже опустил голову, храня долгое молчание.

Шэнь Лисин смотрел на него, и впервые в этом взгляде не было привычной пелены родственных чувств. Он холодно и беспристрастно изучал племянника. Перед ним действительно стоял изнеженный наследник: мягкие чёрные волосы поблёскивали в свете хрустальной люстры, а тонкие пальцы, сжимающие спинку стула, были белыми и изящными. Руки человека, никогда не знавшего горестей и тяжкого труда.

— Раньше ты был господином Шэнь по праву крови. Я позволял тебе любые капризы, вплоть до женитьбы на безвкусовой актрисульке. Но на каком основании ты требуешь этого теперь? — буднично произнёс мужчина. — Если хочешь быть частью этой семьи, изволь соответствовать.

Ле Тянь стиснул зубы: — Быть частью семьи не значит лишаться права на любовь.

Он всё ещё был слишком наивен — и эту наивность в нём старательно возвращал сам Шэнь Лисин, потакая всем прихотям. Но теперь глава семьи не собирался проявлять безграничное терпение. Перед юношей предстал суровый делегат власти, которого тот никогда прежде не видел. Лисин не собирался спорить. — Если ты не согласен — уходи из дома.

Едва эти слова сорвались с его губ, пальцы племянника мёртвой хваткой вцепились в спинку стула. На тыльной стороне ладони вздулись тонкие вены, а дыхание, скрытое за прядями чёрных волос, стало тяжёлым и прерывистым.

Шэнь Лисин терпеливо ждал. Ле Тянь уже однажды уходил из семьи и должен был прекрасно понимать, чего стоит потеря титула наследника Шэнь.

Прошло немало времени, прежде чем Ле Тянь медленно поднял голову. Его глаза покраснели, наполнившись влагой. — Младший дядя, я не могу без Мяо-мяо, — прошептал он, запинаясь.

Лицо мужчины потемнело. Он ждал чего угодно, но только не этого.

«У-у-у... — завыл Ле Тянь в своих мыслях. — Если героиня узнает, как отчаянно я защищаю наши узы, может, она растрогается и накинет мне побольше процентов, когда будет возвращать долг?»

[Я и не знала, что ты собираешься требовать с неё ещё и проценты]

«Я же не главный герой. Мне нужно сводить дебет с кредитом, не могу же я остаться и без любви, и без денег»

В глазах Шэнь Лисина мелькнула опасная искра. Он медленно поднялся и подошёл к племяннику. — Да будет так, — глухо произнёс он.

Ле Тянь запаниковал. Он схватил дядю за рукав, умоляюще глядя на него: — Младший дядя, я и без тебя не могу!

Лисин замер. Он чувствовал, с какой силой юноша вцепился в его одежду. В памяти всплыл тот день, когда Ле Тянь рыдал у него в объятиях, обвиняя в том, что он его бросил.

В душе Шэнь Лисина шла борьба. Сердцем он действительно не мог отпустить племянника, но рассудок не находил ни единой веской причины, чтобы оставить его.

Кого он растит?

Если бы Ле Тянь решил измениться, взяться за ум, Лисин мог бы сделать из него своего преемника, правую руку. Но молодой господин был безнадёжен. Мужчина посмотрел на него сверху вниз. Тонкое, красивое лицо, выражение, как у обиженного ребёнка — хрупкое и нелепое в своей простоте. — Никчёмный, — холодно бросил он.

«ЧТО?! Я — разыскиваемый преступник номер ноль! Моя голова стоит целых звёздных систем, а ты говоришь — никчёмный?!»

Казалось, это слово нанесло Ле Тяню сокрушительный удар. Он разжал пальцы и застыл, глядя на дядю широко распахнутыми глазами, в которых дрожали слёзы.

Сердце Лисина снова предательски дрогнуло, но он заставил себя остаться безучастным. — Даю тебе три дня на раздумья.

Три дня — срок немалый. Вполне достаточно, чтобы этот наивный мальчишка осознал, что для него весомее: мелкая звёздочка или империя Шэнь.

Как только Шэнь Лисин вышел, Ле Тянь тут же плюхнулся на стул, подтянув ноги и задумчиво потирая подбородок. От его скорби не осталось и следа. — В течение трёх дней я заставлю Шэнь Лисина пожалеть о сказанном, — буднично сообщил он Системе.

[...Что ты задумал?]

— Он посмел меня недооценивать. Хм! — сурово произнёс юноша.

Система впервые видела его таким серьёзным. [И как же ты собираешься заставить его раскаяться?]

Ле Тянь зловеще прошептал: — Я объявлю голодовку!

[...Гениальный ход, — Система была впечатлена. — Слёзы, истерики, а теперь и голодовка — прямо как у девицы на выданье]

Впрочем, объявить голодовку оказалось куда проще, чем её соблюдать. На следующий день Ле Тянь проснулся в десятом часу, кое-как дотерпел до половины двенадцатого и приказал поварам подавать обед.

[А как же твоя великая затея с голоданием?]

— Я пропустил завтрак, — с достоинством ответил Ле Тянь.

[...]

Система в очередной раз подивилась собственной глупости: как она вообще могла ему поверить?

Хотя Ле Тянь и не собирался морить себя голодом, за столом он старательно изображал полное отсутствие аппетита. С видом глубочайшей скорби он умял две полные миски риса.

— Молодой господин, вы на себя не похожи, — с тревогой заметила горничная.

Ле Тянь печально кивнул: — На душе кошки скребут.

Служанка вздохнула. Обстановка в доме в последнее время и впрямь была тяжёлой — сегодня утром господин Шэнь даже хлопнул дверью, когда уходил. — Господин, вы же скоро женитесь, — принялась она его утешать. — Пора бы уже умерить свой характер.

Ле Тянь чуть не поперхнулся. Кто тут ещё показывает характер?! Оскорблённый в лучших чувствах, он жалобно протянул пустую посуду: — Ещё одну порцию.

Вечером, вернувшись домой, Шэнь Лисин первым делом спросил у слуг, как вёл себя Ле Тянь.

— Молодой господин очень подавлен, — обеспокоенно ответила горничная. — После обеда он заперся в комнате и никого не впускает.

Лисин нахмурился: — Позовите его к ужину.

Служанка покачала головой: — Я пыталась позвать его перед вашим приходом. Он сказал, что не голоден и ничего не хочет.

Брови мужчины сошлись у переносицы, а лицо потемнело так, что, казалось, с него сейчас закапает яд. Что? Осмелел? Решил устроить бунт и голодовку?!

Шэнь Лисин резко поднялся и в несколько размашистых шагов взлетел по лестнице.

Дверь была плотно закрыта. Несмотря на кипевший внутри гнев, Лисин сохранил самообладание и трижды постучал — не слишком громко, но настойчиво. Голос племянника из-за двери прозвучал вяло и невнятно: — Не заперто...

Лисин распахнул дверь и увидел юношу. Тот лежал на кровати в серой шёлковой пижаме, уткнувшись лицом в подушку и подложив правую руку под живот. Ноги свешивались с края постели: на одной болтался пушистый тапочек, вторая была босой, и её пальцы мелко подрагивали. Юноша тихо и жалобно постанывал.

— Что с тобой? — Лисин, мгновенно позабыв о гневе, бросился к кровати и приподнял Ле Тяня. На бледной щеке того отпечатался красный след от подушки, похожий на след от пощёчины, что придавало ему совсем сиротский вид. Племянник попытался слабо оттолкнуть руки дяди. — Всё... всё нормально... — пробормотал он, но голос был настолько слабым, что в это невозможно было поверить.

— Подгоняйте машину, — скомандовал Лисин стоящей за дверью горничной. — В больницу. Живо.

Услышав про больницу, Ле Тянь в ужасе вцепился в его руку: — Нет! Не надо!

— Тебе плохо, а ты всё ещё упрямисься?! — взорвался Лисин. Он терпеть не мог, когда племянник вредил собственному здоровью. Не слушая возражений, он подхватил юношу на руки.

— Не поеду! Пусти! Не хочу! — Ле Тянь отчаянно забился в его объятиях.

Обычно стоило Лисину хоть немного повысвить голос, как юноша тут же сдавался. Мужчина решил, что в этот раз мальчик настроен крайне серьёзно, раз так отчаянно протестует. Он смягчил тон: — Будь послушным мальчиком. Насчёт помолвки... мы ещё можем это обсудить.

Ле Тянь мгновенно перестал брыкаться.

«Система, как думаешь, если Лисин узнает, что мне плохо просто потому, что я объелся до икоты, он сдерёт с меня шкуру? — с тревогой спросил он».

Днём, когда юноша доедал третью порцию, Система предупреждала его не набивать желудок так сильно. Но Ле Тянь, решивший превратить своё горе в калории, пропустил всё мимо ушей. Он впихнул в себя этот злосчастный рис и в итоге провалялся весь день, не в силах пошевелиться от тяжести.

[Шкуру он с тебя не сдерёт, — съязвила Система. — Но вспорет живот, чтобы вытряхнуть из

тебя этот рис к чёртовой матери]

Ни о чём не подозревающий Шэнь Лисин нёс племянника вниз, чувствуя, что ноша в его руках стала несколько тяжелее. Он вдруг осознал: Ле Тянь вырос. Он больше не был тем маленьким ребёнком.

<http://bllate.org/book/15325/1364065>